

ГИГАНТСКАЯ здравница, дарующая силу и бодрость миллионам людей, знаменитый курорт на берегу Черного моря — таким знаем мы Сочи. Но было время, когда отдыхать в замечательных сочинских дворцах было некогда — шла война. И в санаториях, превращенных в госпитали, лечились раненые советские солдаты.

Многие из них возвратились в строй. Но почти двум тысячам двумстам воинам не удалось выжить от смертельных ран. Скоро мы узнаем их имена. Они будут высечены на стене мемориального комплекса, который решено здесь воздвигнуть.

Мемориал, состоящий из пяти пилонов в виде звезды с вечным огнем в центре, будет сооружен по проекту архитектора Г. Назарьяна. Проект этот оказался лучшим из девяти представленных на конкурс. И хотя это не первый успех опытного зодчего, начальника Сочинской архитектурно-проектной мастерской «Гипроторга», радовался он ему особо: наконец-то выпала возможность ему, ветерану войны, бывшему начальнику штаба первого батальона 265-го стрелкового полка 20-й стрелковой дивизии, капитану запаса Григорию Хачиковичу Назарьяну, сказать свое слово в архитектуре в память о тех, кто не выжил в суровую годину... И кто знает, быть может, это сооружение станет новой вехой в творческой биографии архитектора, по проектам которого построены здесь центральный городской почтамт, санаторные комплексы, крупный 240-квартирный жилой дом, магазин «Универсам»...

Григория Хачиковича знают в приморском городе не только как способного зодчего. Сочинцы помнят, как в горсовете в торжественной обстановке Г. Назарьяну, по поручению президента Ассоциации французских ветеранов авиационного полка «Нормандия — Неман» генерала Пьера Пуйяда, были вручены французский боевой орден «Военный крест» и знак ветерана «Нормандия — Неман». Этим наград он был удостоен 30 лет назад за отважные действия на фронте.

...На подступах к балтийскому заливу Фриш-Гаф, неподалеку от Кенигсберга, в последние дни Великой Отечественной завязались ожесточенные бои: отступая, немецкие фашисты оказывали отчаянное сопротивление. Продвижение дивизии, где служил и капитан Г. Назарьян, было приостановлено из-за сильно укрепленной неприступной высоты Волчьей, что правее полуострова Балга. Невысокая горка была превращена фашистами в сильнейший опорный пункт.

В короткой паузе между боями бойцы из окопов видели, как в воздушной схватке, завязавшейся между нашими и фашистскими истребителями, были сбиты два «мессершмитта» и получил повреждение один наш самолет. Он упал в воду Фриш-Гафа, а летчика, спускавшегося с парашютом на воду, обстреляли гитлеровцы.

Этот эпизод заставил наших бойцов еще яростнее атаковать высоту. Наконец, им удалось выйти к берегу залива.

Мысль о советском летчике не покидала Г. Назарьяна. Жив ли он? Если даже и жив, то выдержит ли пребывание в ледяной воде — прошло почти четырнадцать часов, после того как он был сбит. На поверхности — лишь обломки досок, бочек, ветки деревьев. Но когда изрядно промерзшим и утомленным

В СПИСКЕ НАГРАЖДЕННЫХ ФРАНЦИЕЙ

Числится советский

архитектор Г. Назарьян, спас-

ший во время Великой

Отечественной войны летчика

из авиационного полка

«Нормандия — Неман»

Франсуа де Жоффра

солдатам было разрешено разжечь в окопах маленькие костры, со стороны залива послышался зов о помощи.

После коротких поисков удалось раздобыть лодку, лучше других уцелевшую от осколков и пуль. В ней капитан Г. Назарьян направился в глубь залива, гребя обломком доски. Замкомбата капитан А. Шубников, ныне Герой Советского Союза, стал освещать море ракетами. Тогда фашисты открыли огонь по лодке с советским офицером. Капитан прыгнул в ледяную воду.

Осмотрелся. В нескольких метрах увидел руку человека, вцепившегося в плавающее бревно. Так был найден полуживой летчик. Назарьян, теряя последние силы, вынес его на берег. Подоспевшие бойцы помогли дойти до костра, обогреться. И тут выяснилось: летчик — француз Франсуа де Жоффр, лейтенант из первого отдельного Краснознаменного истребительного авиационного полка «Нормандия — Неман». Сам Франсуа, написавший после войны свои воспоминания, переведенные на русский язык и изданные в нашей стране в 1960 году, так говорит об этом эпизоде: «Небритые лица с любопытством разглядывают меня. Мое сердце бьется, я живой, но не могу произнести ни слова. Советский капитан осматривает меня, он замечает на превратившемся в лохмотья кителе орден Отечественной войны. Его лицо озаряется улыбкой, он наклоняется и крепко целует меня. Этот жест останется навсегда в моей памяти как высшее выражение чувств, которое позволяет на время забыть все ужасы войны».

Оказавшись в госпитале, Франсуа сразу же начал поиски советского офицера. Искал его и командир полка «Нормандия — Неман» Луи Дельфино: Г. Назарьяну нужно было вручить орден «Военный крест», которым наградило его французское правительство. Но поиски не увенчались успехом: война есть война, и на месте минувших событий уже на следующее утро не оказалось ни капитана Г. Назарьяна, ни его батальона.

Помнил о своем спасителе Франсуа де Жоффр и после войны, когда возвратился в Париж. Бережно, постоянно при себе хранил записку, которую в памятную ночь вручил ему советский офицер: «Летчику истреби-

тельной авиации 303-й истребительной дивизии Франсуа де Жоффру. Спас вас 28.3.45 г., 0.41 минута в заливе Фриш-Гаф капитан Назарьян из 20 С.Б.К.О.С.Д. 265 С.П. 1 батальона, полевая почта 61386. Пишите письма». Взял адрес своего французского друга и Назарьян. Но потерял его в одном из последних боев за Берлин и Прагу.

Как уже говорилось, Франсуа де Жоффр написал книгу о действиях эскадрильи «Нормандия — Неман», в которой опубликовал и фотокопию записки. Более того, Франсуа бывал в Сочи, где живет и работает сейчас Григорий Хачикович, но встретиться им так и не удалось...

Дело в том, что в спешке военного времени Г. Назарьян не написал в записке, врученной де Жоффру, не только своего полного имени и отчества, но хотя бы инициалов.

Лишь с помощью редакции газеты «Красная звезда», где в одном из октябрьских номеров за 1971 г. была помещена статья генерал-полковника инженерно-технической службы, доктора технических наук А. Пономарева «Отважные сыновья Франции», Г. Назарьяну довелось прочитать строки... о себе. С помощью редакции удалось встретиться с бывшим командиром 303-й истребительной авиационной дивизии, генералом Г. Захаровым, с бывшим заместителем командира полка «Нормандия — Неман», кавалером французского ордена Почетного легиона полковником запаса С. Агавельяном. И когда все, даже мельчайшие, детали были уточнены, ветераны войны вручили Назарьяну портсигар и именной значок, завещанные своему спасителю Франсуа де Жоффром, скончавшимся в мирное время.

На вопрос о том, почему почти двадцать семь лет Григорий Хачикович не оповещал об этом случае, архитектор отвечает, что не придавал этому особого значения. Ведь на фронте и с ним, и с другими воинами бывали истории похлеще. И он спасал, и его спасали... А историю спасения французского летчика он рассказывал при случае дома и друзьям. Да и времени не доставало, чтобы заняться этим специально. А самое главное — нескромно вроде самому напоминать, что спас человеку жизнь...

...Мы сидим на балконе просторной квартиры Г. Назарьяна в Сочи. Отсюда, с четвертого этажа, открывается замечательный вид на морскую бухту, красивой архитектуры строения и бульвары города-курорта. Мой собеседник выдерживает небольшую паузу и, улыбувшись своим мыслям, говорит:

— А знаете, как я стал архитектором?...

...Это было в середине тридцатых годов. Сын сухумского сапожника Гришик Назарьян (так называли юного паренька товарищи по школе), едва завершив учебу в семилетке, отправился в Москву, чтобы поступить на рабфак.

— Учиться хочешь на архитектора? — спросил у сухумца человек в форменном кителе, с пышными усами и доброй улыбкой на лице, когда юноша вошел в кабинет наркома, держа в руках ходатайство председателя Совнаркома Абхазской АССР, где, в порядке исключения, просили зачислить Г. Назарьяна, не имевшего среднего образования, на рабфак, при архитектурном институте, как художественно одаренного.

— Да, хочу. А вот Румянцев (директор рабфака) не принимает.

— Хорошо... Пойди туда снова. Утром.

— А если не примут, приду к вам опять, — уже в дверях выпалил обрадованный ответом паренек.

— Хорошо, — улыбнулся человек в форменном кителе. И только потом Назарьян узнал, что был на приеме у Серго Орджоникидзе.

А наутро ему пришлось экзаменоваться, но только по одному предмету — рисунку. Испытание было выдержано успешно, и Г. Назарьян стал студентом архитектурного рабфака, а затем и института. Продолжал он развивать и свои музыкальные навыки, приобретенные во время учебы в стенах Сухумского музыкального училища. Саксофонист Г. Назарьян, выступавший в составе популярного тогда в Москве эстрадного оркестра под управлением А. Варламова, бывал с гастролями в ряде городов страны, в том числе и Сочи.

Учебу в вузе и работу пришлось прервать на третьем курсе. Григорий Хачикович, как и многие его сверстники, прошел добровольцем по фронтовым дорогам всю войну. В победные дни мая сорок пятого капитана Г. Назарьяна видели у поверженного рейхстага, где под аккомпанемент его аккордеона советские войны пели и плясали.

После войны Г. Назарьян завершил учебу в вузе и с дипломом архитектора уехал в Киргизскую столицу — город Фрунзе. Здесь по его проектам построены многие крупные административные здания, политехнический институт, жилые дома.

— Последние работы нашей мастерской — проект одного из центральных кварталов Сочи, который будет застроен девятиэтажными домами, — говорит Григорий Хачикович. — Не так давно мы спроектировали Дом торговли и другие объекты в одном из сочинских районов — Адлере. К тому же наш проект магазина «Универсам» приобрел ряд городов страны — Баку, Тбилиси, Ереван, Волгоград, Краснодар, Ставрополь, Тирасполь...

Арман ДАНЕЛЪЯН

● Г. Назарьян.
Фото М. Тарасова.